

На правах рукописи

ДАУЕВА ТАМАРА ТАМЕРЛАНОВНА

**«КОНФЛИКТЫ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ОСЕТИНСКОМ
ОБЩЕСТВЕ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)»**

специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Нальчик – 2017

Работа выполнена в отделе этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН»

Канукова Залина Владимировна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея

Дмитриев Владимир Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории института гуманитарных исследований – филиала ФГБУН «Федеральный научный центр «Кабардино – Балкарский научный центр РАН»

Абазов Алексей Хасанович

Ведущая организация: ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Защита диссертации состоится «___» _____ 2017 года в _____ на заседании диссертационного совета Д.212.076.03 по историческим наукам при ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» по адресу: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д.173, корп. №11, ауд.305.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» и на сайте КБГУ: <http://diser.kbsu.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат исторических наук, доцент

Нальчикова Елена Аниуаровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Северный Кавказ – сложный регион, благополучие которого требует как позитивного межэтнического взаимопонимания населяющих его народов, так и внутренней стабильности каждого этноса. Как показывает исторический опыт, далеко не всегда этот край был местом действия острых межэтнических и социальных столкновений. С глубокой древности на Северном Кавказе проживали представители разных культур, выработавшие особую систему меж- и внутри - этнического взаимодействия, в основе которой заложены нормы обычного права, в частности, традиционные миротворческие практики.

Изучение обычного права, включенного в широкий контекст гуманитарной, жизнеобеспечивающей и нормативной традиционной культуры, способствует его новой интерпретации в исследовательской парадигме переходного общества, с учетом соотношения традиций и инноваций, их взаимосвязи и взаимообусловленности на различных этапах развития социума. Проблема возникновения и разрешения конфликтов появилась вместе с самыми ранними формами самоорганизации социума; в разные периоды и в разных культурах она ставилась и решалась по-разному. Исследование конфликтогенных факторов и миротворческих практик традиционных обществ позволяет существенно расширить сложившиеся представления об этнокультурных основах обычного права, о ценностных и ментальных аспектах этнической культуры, которые способствовали реализации ее регулятивной функции и обеспечивали внутреннюю стабильность системы жизнеустройства.

Миротворческая деятельность осетинского традиционного общества в его взаимодействии с другими северокавказскими этносами представляет особый интерес, так как исторический опыт свидетельствует об ее мощном позитивном потенциале регулятора общественных отношений.

Исследование правовой жизни этноса как социокультурного единства, актуально не только в теоретическом, но и в практическом применении в современных условиях, когда наблюдается повышенное внимание к традиционным методам разрешения конфликтов, в частности, к медиаторству. Сложившаяся в России система судопроизводства предоставляет определенные возможности для обращения к историческому опыту посредничества. Существующие в стране программы реализуются за счёт партнерства общественности и правосудия, но на Северном Кавказе наиболее успешной представляется модель примирения, основанная на традиционной и вполне жизнеспособной системе медиации.

Анализ традиций в урегулировании конфликтов, популяризация способов миротворчества, принятых в правовой культуре осетин и других северокавказских народов, формирует культурный фундамент для развития примирительных практик в современном мире и играет ключевую роль в формировании отечественных институтов медиации.

Объектом исследования является обычное право традиционного осетинского общества в динамике общественного развития, в том числе охватывающего процессы российско-осетинского взаимодействия и пореформенной модернизации.

Предметом исследования является система традиционного миротворчества, включавшая медиативные институты обычного права, практики разрешения конфликтных ситуаций, механизмы исполнения приговоров; традиции и инновации в миротворческой практике осетинского общества в условиях общественных трансформаций.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление и изучение конфликтогенных факторов, профилактических и миротворческих практик и институтов, осуществляющих функции регулирования хозяйственных,

общественных, семейных и межличностных отношений в динамике общественного развития осетинского социума.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- выявить деятельность основных институтов осетинского общества, имевших функции регуляции общественных отношений и миротворческих инициатив;
- исследовать условия и правила создания и функционирования традиционного третейского суда и его последующее взаимодействие с российским законодательством;
- выявить основные и наиболее часто возникающие в традиционном осетинском социуме виды конфликтов, причины их появления и способы разрешения;
- рассмотреть конфликты и миротворческие практики в условиях капитализации экономики и влияния российского законодательства на традиционную правовую культуру;
- проанализировать особенности функционирования системы композиций, ее трансформации в пореформенное время;
- исследовать причины, последствия, а также способы урегулирования кровной мести;
- исследовать феномен умыкания девушек как распространенный конфликтогенный фактор;
- выявить миротворческие практики и ресурсы в разрешении имущественных, наследственных и других семейных конфликтов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII до начала XX в., что позволяет исследовать порядок регулирования отношений согласно нормам обычного права и их трансформации под влиянием присоединения Осетии к России. Значимой гранью исследования являются 60-70-ые годы XIX в., когда традиционная миротворческая практика адаптировалась к результатам административных, судебно-правовых, экономических и ряда других реформ, породивших новые способы разрешения конфликтов.

Научная новизна. В диссертации впервые осуществлено комплексное исследование конфликтогенных факторов и традиционных миротворческих практик в динамике общественного развития осетинского общества.

Впервые:

- на основе полевого этнографического материала исследованы конфликтогенные факторы и миротворческие практики посреднических институтов с учетом локальных (ущельных) вариантов традиционной соционормативной культуры; обнаружены неизвестные ранее способы разрешения конфликтов;
- рассмотрена трансформация традиционной системы посредничества и ее влияние на миротворческую деятельность в контексте сложных процессов взаимодействия традиционного третейского суда с новым российским законодательством;
- выявлены новые виды конфликтов, появившихся в эпоху пореформенной модернизации и связанных с коммерческими сделками, незаконным захватом общинных земель, повышением фискальных платежей, столкновением с должностными лицами, увеличением размера калыма и умыканием девушек и др.;
- определены методы адаптации традиционных медиаторских практик к новым условиям, а также степень востребованности / невостребованности миротворческих способов, предложенных российским законодательством;
- исследована традиционная система композиций в условиях новых экономических и правовых отношений; выявлены новые миротворческие формы, такие как вклад виновной стороны в строительство церкви или школы, в благоустройство территории села, участие духовенства в примирительных процедурах и т.п.;
- в результате анализа судебных хроник выявлены инновации в практиках разрешения семейных конфликтов, в примиренческих процедурах, связанных с мощными

конфликтогенными факторами – похищением девиц, кровной мстью, распределении имущества в связи с участвовавшим разделом больших семей;

- в научный оборот введены новые архивные и полевые материалы, в том числе собранные соискателем в ходе экспедиции в Турцию с целью комплексного изучения анатолийских осетин в 2013 и 2015 г. Выявлены особенности разрешения конфликтных ситуаций, не сохранившиеся в Осетии.

Методологическая основа исследования. Основным методологическим принципом диссертационного исследования является системность – исследование конфликтов и миротворческих практик во взаимосвязи с другими аспектами традиционной культуры – хозяйственным укладом, общественным и семейным бытом, религиозными верованиями, духовными ценностями, обрядовой культурой.

Применение принципа историзма призвано обеспечить анализ событий и явлений в контексте социально-экономического, административно-правового и культурного развития осетинского общества. Принцип объективности предполагает всестороннее рассмотрение конфликтов и способов их разрешения с точки зрения объективных закономерностей, с максимально возможным использованием источников.

Основным предлагаемым методологическим подходом является междисциплинарный, который включает источники, материалы и методы, сложившиеся в этнологии и истории, с широким привлечением фольклорного материала, что позволяет глубоко и комплексно исследовать проблему.

В процессе исследования применен историко-сравнительный метод, привлечен материал по обычному праву других народов Северного Кавказа с целью выявления общих закономерностей и отличительных особенностей. В работе использован метод контент-анализа в изучении архивных источников (судебного делопроизводства) и периодической печати.

Теоретическая значимость. Выводы и положения диссертации, ставшие результатом осмысления широкого круга различных источников, дают возможность углубленного исследования осетинского традиционного общества, его правовой культуры, в частности, конфликтогенных факторов и миротворческих практик. Проведенное исследование имеет значение для более объективного понимания места традиционной культуры в процессах модернизации общественной жизни и в условиях внешних влияний. Результаты диссертации могут быть использованы в кросс-культурных исследованиях современных представлений о способах разрешения конфликтов и примирении.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть применены при создании учебно-методических комплексов, учебных курсов и лекций по истории России и Северного Кавказа, в просветительской и популяризаторской деятельности.

Полученные результаты также могут быть использованы в разработке миротворческих методик, при создании проектов, направленных на внедрение традиционных элементов урегулирования споров и криминальных ситуаций в деятельность официальной юстиции, в образовательные курсы по восстановительному правосудию.

Степень изученности темы исследования. Несмотря на то, что проблема миротворчества не становилась предметом специального исследования в осетиноведении, отдельные, связанные с ней вопросы, нашли отражение в историко-этнографической и публицистической литературе.

В историографии изучаемой проблемы можно выделить три основные группы – дореволюционную, советскую и постсоветскую, включая современную, что позволяет определить преемственность в развитии исследовательского процесса.

Дореволюционная историография богата материалами русских и западных ученых. Вхождение региона в общероссийское правовое, экономическое, а также социокультурное пространство вызвало интерес исследователей к Кавказу. К тому же в связи с административными изменениями края возникла необходимость в изучении правовой

культуры местных народов с целью ведения эффективного управления. Первыми авторами стали русские ученые, иностранцы, находившиеся на службе в русской армии, христианские миссионеры, путешественники.

В результате путешествия на Кавказ в 1781 г., Л. Л. Штедер оставил дневник, в котором содержится ценный этнографический материал о жителях Осетии, в частности, о сословных различиях, о традиционных правовых нормах¹. Путешественник конца XVIII в. Я. Рейнеггс в работе «Общее историко-топографическое описание Кавказа» представил сведения об обычае кровной мести². Ю. Клапрот всесторонне описал быт и нравы народов Северного Кавказа, в частности, социальные отношения осетин, обычаи кровной мести³. Весьма ценные сведения об обычном праве осетин содержатся в работе путешественника К. Коха, который обстоятельно изучил вопросы кровной мести с приведением примеров вражды между фамилиями⁴. Ценные сведения из области обычного права осетин приводит академик А. М. Шегрен⁵.

Столкновение новой правовой культуры с традиционной, особенно с существовавшим обычаем кровной мести, вызвало новый интерес к традиционной культуре. Обычай кровной мести в историографии толкуется неоднозначно. Ю. Клапрот, Н. Ф. Дубровин, Л. Л. Штедер, Н. Г. Берzenов рассматривают это явление как первую реакцию потерпевшей стороны в виде ответного убийства⁶. Другое понимание кровной мести включает в себя как понятие обязательного возмездия, так и композицию, предполагающую выплату выкупа преступником и его родственниками пострадавшей стороне. А. А. Бадтиев, С. Г. Каргинов, М. М. Ковалевский, И. Бларамберг подчеркивают санкционирование практики кровной мести и признают ее обычаем⁷.

Следует указать, что все исследователи, описывая кровную месть, указывают на следующие ее общие характеристики — наличие самосуда, стремление к равному возмездию, участие всей семейной группы в поисках и преследовании убийцы. Исследователи также солидарны в том, что со временем на смену кровной мести приходит композиция. С. М. Броневский в двухтомном труде «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» провел параллели между способами урегулирования конфликтов на Кавказе и на Руси, на материалах «Русской Правды», что также дает возможность проведения сравнительного анализа примиренческих практик осетин и адыгов⁸. И. Бларамберг, исследуя обычай кровной мести, делает вывод о том, что основной его функцией было регулирование взаимоотношений в обществе, защита личности и имущества в различных ситуациях того времени⁹. А. Г. Яновский подробно

¹Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 27-70.

²Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 90-104.
³Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6; Он же. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 105-180.

⁴Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 222-274.

⁵Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 29.

⁶Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1888. Т. 1; Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 27-70; Берzenов Н. Г. Из записок об Осетии // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 126-132.

⁷Бадтиев А. А. Кровничество четырех фамилий // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 95; Каргинов С. Г. Кровная месть у осетин // ППКОО. Владикавказ, 2014. Кн. 7. С. 580-604; Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. В 2-х т.; Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.

⁸Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х частях. СПб., 1823.

⁹Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010.

описал процедуру разбора дела о кровной мести, функционирование медиаторского суда, композиции за убийство¹⁰.

В. Б. Пфаф главное внимание уделил детальному исследованию традиций гражданского, уголовного, наследственного права. Автор провел сравнительный анализ обычного права осетин с памятниками римского, немецкого и славянского права. В. Б. Пфаф, используя судебные журналы сельских судов, опросы судей и местных жителей, подробно остановился на судеустройстве, процедуре создания медиаторского суда, разборе тяжёлого дела, а также привел примеры конкретных судебных решений¹¹. М. М. Ковалевский исследовал нормы обычного права, регулировавшие различные аспекты общественного быта, детально изучил имущественно-правовые отношения, традиционное судеустройство и судопроизводство. М. М. Ковалевский на примере осетин исследовал большую патриархальную семью, причины ее распада, детально осветил вопросы наследственного и имущественного права. В исследовании «Закон и обычай на Кавказе» автор провел сравнительный анализ правовых систем народов Северного Кавказа¹².

В «Присяге по обычному праву осетин» Дж. Т. Шанаев подробно рассмотрел судебную процедуру осетин в XIX в.: описал действующих лиц судебного процесса, обычай принятия клятвы и ее разновидности¹³. Его же статья «Свадьба у северных осетин» содержит полезные сведения о калыме, о формах заключения брака, которые нередко служили конфликтогенными факторами¹⁴.

На страницах периодической печати конца XIX - начала XX века проходил острый общественный дискурс о «вредных обычаях», «отрицательных явлениях в жизни», к которым относили выплату калыма, умыкание девиц, принуждение к замужеству. В заметках общественных деятелей А. Медоева, Х. Уруймагова, Г. Цаголова, А. Гатуева, А. Гассиева освящаются общественно-политические и государственно-правовые взгляды представителей осетинской интеллигенции, большая часть которой рассматривала и призывала общественность на борьбу с этими обычаями¹⁵. Публицистические материалы К. Л. Хетагурова «Не везет нам на старшин», «Сословный вопрос в Осетии», «Народное совещание», «Неурядицы Северного Кавказа», «Горский словесный суд» содержат описание норм обычного права в области семейных и уголовных преступлений, характерных для исследуемого периода¹⁶.

Дореволюционная литература богата общими работами по этнографии осетин, такими как рассказы и этнографические очерки И. Канукова, В. С. Толстого, Г. Гордеева, Н. Г. Берзенова, в которых также рассматриваются вопросы, связанные с особенностями

¹⁰ Яновский А. Осетия // Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. II. 401 с.

¹¹ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 178-220. 1872. Т. 2. С. 258-325; Он же. Этнологические исследования об осетинах // ССК. Тифлис, 1872. Т.2. С. 80-144.

¹² Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. В 2-х т. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995; Он же. Закон и обычай на Кавказе. В 2-х т. М., 1890; Он же. Поземельные и сословные отношения горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12. С. 137-154.

¹³ Шанаев Дж. Т. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 1-20.

¹⁴ Шанаев Дж. Т. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С.1-30.

¹⁵ Ме-в А. Из сел. Христианского // ППКОО. Цхинвал, 1987. Кн. 3. С. 359-361; Уруймагов Х. Еще о калыме у осетин // Казбек. 1900. № 712; Он же. Старый, но вечный вопрос // Терек. 1915. № 5201; Он же. К съезду представителей осетинского народа // Терек. 1908. № 261. Гатуев А. Об искоренении суевных и разорительных обычаев в Осетии // Терские ведомости. 1881. № 36; Цаголов Г. Она бежала // Казбек. 1898. № 341; Гассиев А. Нечто о положении женщины у горцев-мусульман // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн.1. С. 219-224.

¹⁶ Хетагуров К. Л. Горский словесный суд // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 88-114; Он же. Народное совещание // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 286-287; Он же. Не везет нам на старшин // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 34-35; Он же. Неурядицы Северного Кавказа // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 131-159; Он же. Общественный приговор // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 7-16; Он же. Особа (этнографический очерк) // Полн. собр. Соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 313-374.

обычного права¹⁷. В этих работах содержится ценный материал по таким интересующим нас вопросам, как функции ныхаса как миротворческого органа, процедура разбирательства в третейском суде, семейный уклад и конфликтогенные факторы во внутрисемейной среде¹⁸. Некоторые исследователи предпринимали попытки определения влияния российского законодательства на традиционное судоустройство и судопроизводство¹⁹.

Таким образом, в отечественной дореволюционной историографии не было исследования, специально посвященного миротворческим практикам, и далеко не все из них получили отражение в рассмотренных трудах, но накоплен ценный фонд этнографических исследований, на основе которых развивалась советская этнография. Большинство рассмотренных сочинений легло в основу советских и современных исследований.

В советский период также не появилось специальных исследований по рассматриваемой проблеме, но отдельные ее аспекты получили дальнейшее развитие.

Большой вклад в развитие этнологии права внесли А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, М. О. Косвен, Я. С. Смирнова, В. К. Гарданов, Х. М. Думанов, А. С. Омаров, Р. М. Магомедов, С. Ш. Гаджиева и др.²⁰

Попытки обобщения материала по обычному праву осетин предпринимались Б. М. Каргиевым. В работе «Обычаи и обряды осетин дореволюционного периода», автор дает подробную характеристику таких видов преступлений, как ранение, кровная месть, умыкание, воровство, а также форм наказаний, принятых в Осетии²¹. В работе З. Н. Ванеева «Избранные работы по истории осетинского народа» содержится ценнейший

¹⁷Кануков И. Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985; Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997; Гордеев Г. С. Вероисповедание, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн.1. С. 14-48; Берзенов Н. Г. Очерки Осетии //Кавказ. 1850. № 15, 47, 48, 93, 95; Он же. Из воспоминаний об Осетии // Кавказ. 1851. № 92; Борисевич К. И. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. №1-2. С. 225-265; Жданов Н. Рассказ о кавказском племени осетинах. М., 1898; Кокиев С. В. Записки о быте осетин // ППКОО. Владикавказ, 2014. Кн. 7. С. 521- 547; Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 2007; Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869; Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк // Труды ЗНА. Тифлис, 1925; Бутаев Д. Б. В горах Осетии // Казбек. 1902. № 1398, № 1402; Красницкий К. Кое-что об осетинском округе и о правах туземцев его // Кавказ. 1865. № 29-33.

¹⁸Чиковани Г. Д. Осетинский ныхас // КЭС. Тбилиси, 1979. Т. V. Вып. 2. С. 29-107; Марков Е. Л. Очерки Кавказа. СПб. - М., 1904; Лиахвели Г. Древнее судопроизводство у осетин // Юридическое обозрение. 1885. № 197; Он же. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1886. № 292. М.Г. Приговор осетин // ТВ.1879. № 50; Дункель – Веллинг Н. Некоторые исконные обычаи у осетин Кударо-Мамисонского ущелья // Кавказ. 1855. № 24; Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // ППКОО. Цхинвали, 1982. Кн. 2. С. 122-137; Гаглоев Х.Д. Из истории судопроизводства у осетин // Изв. ЮОНИИ. Вып. 13. 1964. С. 257-260; В.Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 340; Гассиев А. Нечто о положении женщины у горцев-мусульман // Тифлисский вестник. 1887. № 30; Фарфаровский С. В. Брак у осетин // Естествознание и география. М., 1910. №7. С. 65-72.

¹⁹Иваненко В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. М., 1904. № 4. С. 205-225; № 5. С. 1-22; № 6. С. 89-136. Лавров Д. Я. Заметки об Осетии и осетинах // ППКОО. Цхинвали, 1989. Кн. 4. С. 37-99.

²⁰Алексеев В. П. Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990; Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи / Ю. И. Семенов. М., 1974; Косвен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М-Л., 1925; Он же. Семейная община и патронимия. М., 1963; Он же. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII- начале XIX вв. // СЭ. 1960. №5. С. 12-29; Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX - начало XX в.). Нальчик, 1976; Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы) / Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968; Магомедов Р. М. Адамы дагестанских горцев как исторический памятник. М., 1960; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1985.

²¹Каргиев Б. М. Старинные обычаи и нравы осетин (из жизни жителей Куртатинского ущелья) // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.

материал, в том числе полевой, по обычному праву в Южной Осетии²². А. М. Ладыженский в работе «Адаты горцев Северного Кавказа» уделил особое внимание юридическим нормам народов Северного Кавказа. В основу предложенной им классификации адатов заложен сословный принцип, с учетом этнических особенностей²³. В. К. Гарданов рассматривал обычное право народов Кавказа как важный источник изучения социальных отношений²⁴.

В связи с тем, что одной из приоритетных тем советской этнографии становилось изучение семьи и семейного быта народов страны, оживился интерес и к семейным конфликтам. Видный российский ученый М. О. Косвен изучал семейную общину у народов Кавказа, подробно рассмотрел основные положения фамильно-патронимического права. Следует отметить труды Я. С. Смирновой, Б. В. Скитского, А. А. Магометова, Б. А. Калоева З. Д. Гаглойти, Н. Ф. Такоевой и других авторов, которые исследовали внутрисемейные отношения, гендерные и имущественно-правовые нормы, отдельные виды конфликтов, связанных с наследственными и имущественными вопросам, а также указывали на динамику обычного права в условиях новых экономических отношений²⁵.

Таким образом, советская историография существенно пополнилась исследованиями по вопросам обычного права, но рассматриваемая в диссертации тема не стала предметом специального исследования.

В постсоветский и современный период видение проблемы обычного права существенно изменилось, получили развитие междисциплинарные научные направления, в частности, антропология права (юридическая этнология). Предметом междисциплинарных исследований стали правовые системы и явления: нормы, правоотношения, идеи и представления о праве, правовые институты, процедуры и способы регуляции поведения, защиты порядка, разрешения конфликтов, которые складываются в различных сообществах, у разных народов, в разные эпохи и в разных регионах мира.

Этнокультурная парадигма в исследовании права дает возможности его интегративного понимания, целостного рассмотрения этнической специфики правового бытия, особенностей правового сознания, правового мышления и поведения.

Теоретическим аспектам становления и развития антропологии права посвящены труды В. А. Тишкова, Н. И. Новиковой, А. А. Никишенкова,²⁶ давшие новый импульс развитию этого направления на материалах обычного права народов Северного Кавказа. В трудах Ю. Д. Анчабадзе, И. Л. Бабич, В. А. Дмитриева, Ю.Ю. Карпова, А. Х. Абазова, В. Х. Кажарова, в новых работах Х. М. Думанова изучены различные аспекты правовой культуры, виды преступлений и наказаний, отношение к ним традиционных обществ,

²²Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1990. Т. 2.

²³Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. М., 1947; Он же. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и международное право кавказских горцев) // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы. 1997. № 2. С. 80-89.

²⁴Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII- начале XIX вв.// СЭ. 1960. № 5. С. 12-29

²⁵Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М. 1983; Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968; Он же. Общественный строй и быт осетин (XVII - XIX вв.). Орджоникидзе, 1974; Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1967.

²⁶Тишков В. А. Этничность, право и закон // Человек и право: книга о летней школе по юридической антропологии Института этнологии и антропологии РАН; Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму Международного Союза антропологических и этнологических наук. 1999. С. 189-195; Антропология права начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред.: Новикова Н. И., Тишков В. А. М., 2000. С. 7-14; Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии: Сборник научных статей / Отв. ред.: Новикова Н. И., Тишков В. А. М., 2002; Никишенков А. А. Обычное право народов России. Библиографический указатель. 1890-1998. М., 1998; Он же Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века. М., 2003.

взаимодействие обычного права с духовными ценностями, способы изживания конфликтных ситуаций²⁷. Эти работы опираются на значительный фактический материал, что делает их особо значимыми.

Появилось немало работ по обычному праву осетин, его эволюции в ходе общественных модернизаций и влияния российского законодательства. Серьезный вклад в исследование адатной системы осетин внес Ф. Х. Гутнов, поставив вопрос о «надежности опубликованных адатов, так как списки обычного права, содержат противоречивые, а нередко и просто ошибочные нормы»²⁸. В работах Е. И. Кобахидзе, З. В. Кануковой, в коллективной монографии «Осетины» (серия «Народы и культуры») исследованы процессы взаимодействия обычного права и российского законодательства, влияние буржуазных реформ на традиционную правовую культуру²⁹. Интересующие нас сведения содержатся также в исследованиях Ю. М. Ботякова, В. О. Бобровникова, Ю. В. Хоруева феномена абречества как конфликта личности и общества³⁰. По нашему мнению, правомерно рассматривать абречество как способ урегулирования конфликта путем изгнания виновного из общества.

В рамках юридической этнологии проведены исследования различных аспектов права учеными-юристами А. И. Ковлером, В. С. Дробышевским, А. Ф. Калининым, О. А. Пучковым и др.; в контексте традиционной нормативной культуры народов Северного

²⁷ Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. - 1920-е годы). М., 2012; Бабич И. Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М., 1999; Она же. Правовая культура осетин и судебные реформы в XIX-XX вв. // Этнографическое обозрение. М., Наука, 2001. С. 50-64; Она же. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995; Думанов Х.М. Думанова-Крымшюкалова Ф. Х. Право и судебные органы адыгов // ИВ КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 111-141; Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990; Думанов Х.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII - XIX в. (совместно с Ю.М. Кетовым, Нальчик, 2000; Кажаров В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014; Дмитриев В. А. Способы преодоления насилия в традиционном обществе горских народов Северного Кавказа // Адат. Кавказский культурный круг: традиции и современность / гл. редактор и сост. Дмитриев В. А. М.-Тбилиси, 2003. С. 24-43; Карпов Ю. Ю. Народные собрания и старшины в вольных обществах Северной Осетии в XVIII-XIX вв. // Археология и этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 78-102. Абазов А. Х. О месте и роли третейских судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII-XIX вв. // Северо - Кавказский юридический вестник, 2014, №1. С.49; Он же. Образы прошлого в системе регулирования общественных отношений у кабардинцев в XIX – начале XX в.: особенности формирования и проблемы сохранения // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII среднеазиатско - кавказских чтений 2012–2013 гг. Этнография, история, археология, культурология. СПб., 2013. С.312-313; Он же. Основные виды исполнения наказаний в судебной системе Кабарды в 20–60-х гг. XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 55-71.

²⁸ Гутнов Ф. Х. Источниковедческие проблемы нормативной этнографии Осетии // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 17-40; Он же. Обычное право осетин. Часть I. Адаты Тагаурского общества: Список Норденстренга, 1844г. Владикавказ, 2012; Он же. Древние обряды Дигорского общества. 1844 г. // Известия СОИГСИ. 2013. № 9(48). С. 118-128; Он же. Адаты осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. 2013. №10(49). С. 31-56; Он же. П.К. Услар и адаты западных осетин // Известия СОИГСИ. 2014. № 12(51). С. 97-117; Он же. Нормы обычного права осетин. Часть. II. Адаты обществ Западной Осетии. Владикавказ, 2015.

²⁹ Кобахидзе Е. И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII – XIX вв.). Владикавказ, 2008; Она же. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII- начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010; Она же. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сб. док. Сост., вступ. Ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012; Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992; Она же. Посемейные списки осетинских крестьян как этнографический источник // Проблемы этнографии осетин. 1992. Вып. 2. С.138-152; Она же. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 73; Она же. Семья // Осетины. М., 2012. С. 323-332; Осетины. М., 2012. См. также: История Осетии. В 2-х томах. Владикавказ, 2012.

³⁰ Бобровников В. О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19-46; Ботяков Ю. М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб., 2004; Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе. Владикавказ, 2011.

Кавказа выполнены исследования С. Р. Чеджемова, А. М. Цалиева, в которых рассматриваются традиционные институты власти, а также правовые воззрения осетин³¹.

Таким образом, историографический анализ показывает, что проблемам обычного права было посвящено немало исследований дореволюционного и советского периода, значительная часть которых стала основой развития дальнейших этноправовых исследований. Методологические подходы постсоветского и современного периода открыли новый этап в истории изучения обычного права. Однако, несмотря на то, что многие вопросы права рассматривались в связи с другими аспектами жизнедеятельности традиционного общества, пока нет специального исследования, посвященного конфликтогенным факторам и миротворческим практикам осетин.

Источники. Источниковой базой настоящего исследования стали полевые этнографические материалы, архивные источники, опубликованные документы, материалы периодической печати.

Полевой материал. Сбор полевого материала проводился в Цхинвальском, и Джавском районах Южной Осетии, в Ирафском, Дигорском, Кировском, Алагирском и Ардонском районах Северной Осетии в 2011-2015 г. Полученные сведения о третействе, обычае кровной мести, преступлениях (ранения, кражи, умыкание девиц), конфликтах и способах их устранения, показывают многообразие локальных (ущельных) вариантов обычного права и позволяют существенно расширить сложившиеся представления о конфликтах и формах миротворчества. В результате фольклорно-этнографической экспедиции в Турцию (2013 и 2015 г.) был проведен сбор полевого материала среди анатолийских осетин в Стамбуле, Анкаре и Иозгате. Собранный материал, большей частью характеризующий семейные конфликты, связанные с наследственным и имущественным правом, умыканием девушек, расторжением брака, содержит сведения как о распространенных в Осетии, так и о не сохранившихся на родине практиках разрешения конфликтов, что существенно расширяет источниковую базу исследования.

Архивные материалы Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А), а также научного архива Северо - Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева составили важную часть источниковой базы.

В работе использованы материалы следующих фондов ЦГА РСО-Алания: Ф.11- Терское областное правление. Канцелярия общего присутствия; Ф.12- Канцелярия начальника Терской области. 1 отделение. 1 и 2 столы. (1858-1870); Ф.113- Владикавказский окружной суд (1872-1919 гг.); Ф.117 – Осетино - ингушский смешанный суд (1908-1910); Ф.119 – Терский областной прокурор (1863-1919); Ф.120 – Прокурор владикавказского окружного суда (1884-1919); Ф.196 – Владикавказский городской нотариальный архив (1843- 1919); Ф.224– Г. Баев – городской голова г. Владикавказа за 1865-1920 гг.; Ф.290 - Управление начальника Владикавказского военного округа.

Официальная делопроизводственная документация представлена протоколами общественных собраний, распоряжениями, рапортами сельских старшин, материалами по выборам должностных лиц сельского управления, заявлениями, прошениями, рапортами окружных чиновников (Ф.11). Они характеризуют деятельность российской администрации и суда в сельских обществах пореформенного времени и позволяют исследовать их взаимодействия с традиционным управлением и правом.

Ценным источником для исследования миротворческой деятельности служат «Общественные приговоры» сельских сходов (Ф.12) о различных вопросах общественной жизни - изменение размера калыма, о новых порядках его приема, о мерах по борьбе с

³¹Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. М., 2002; Дробышевский В. С., Калинин А. Ф. Введение в юридическую антропологию: Проблемы методологии права. Ч. 1. Чита, 2004; Пучков О. А.Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве (теоретические основы). Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Цалиев А. М. Чеджемов С. Р. Институты власти и правовые воззрения в Северной Осетии (конец XVIII - начало XX в.). Владикавказ, 2004.

воровством, грабежами или поджогами на территории обществ, о распределении земельных участков между жителями обществ и пр.

Материалы судебно - следственных дел (Ф.113), в частности дела об убийствах и умыканиях девушек, дают возможность рассмотрения конкретных конфликтных ситуаций, их причин, процесса судебного разбирательства и судебных решений. Протоколы судебных материалов, а также жалобы отдельных лиц (Ф.117) проясняют вопросы судебной практики, обычно-правового регулирования общественных отношений, трансформации обычно-правовых норм под влиянием российского законодательства.

Большую ценность представляют **нормативные документы и материалы законодательного характера** - нормативные акты, постановления и указы, такие как правила деятельности сельских судов, сельских должностных лиц и т.д., характеризующие эволюцию обычного права, взаимодействие его отдельных норм с новым законодательством. Большая часть данных источников впервые вводится в научный оборот.

Архивный материал представлен также рукописями этнографических очерков из фондов «Этнография» (5), «Фольклор» (16), Г.А. Кокиева (Ф. 33. Оп.1), История Осетии до 1917г. (Ф.1) Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Ценные сведения извлечены из материалов этнографических экспедиций СОИГСИ разных лет.

В работе используются опубликованные источники, в частности сборники материалов и документов. Важным источником является двухтомное собрание адатов Ф. И. Леонтовича, материалы которого представляют собой богатейший и далеко не в полной мере использованный источник для изучения обычно-правовых отношений, в частности, по выявлению композиций за различные виды преступлений³². В «Материалах по истории Осетии» для нашего исследования представляет интерес третий том, в котором содержатся прошения жителей Осетии, характеризующие конфликтные ситуации (1868-1904 гг.)³³.

Материалы периодической печати. Газеты «Терские ведомости», «Новое обозрение», «Тифлисский листок», «Казбек» содержат богатый материал о различных видах конфликтов, а также о реакции населения на различные нововведения. На страницах периодической печати интеллигенция остро поднимала актуальные вопросы и предлагала способы урегулирования конфликтов. В рубрике о текущих событиях отложен богатейший материал о конкретных случаях умыкания девиц и формах улаживания конфликтов, об обычае кровной мести между определенными фамилиями и их примирении, о случаях воровства скотины и т.д. В работе использован сборник «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» в 7 томах, - уникальное собрание материалов периодической печати по истории, этнографии, культуре Осетии, которое позволило выявить наряду с традиционными формами примирения конфликтующих сторон, инновации, порожденные новым временем и зафиксированные в прессе в качестве необычных явлений³⁴.

В работе использованы также материалы таких изданий как «Сборник сведений о Кавказе», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Терский календарь».

Основные положения, выносимые на защиту.

- в осетинском традиционном обществе функционировала четко налаженная система самоуправления, основанная на обычно – правовых нормах, регламентировавших

³²Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1882. Вып. I. 1883. Вып. II.

³³Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868-1904 г. / Сост. Д. А. Дзагуров. Дзауджикау, 1950. Т. 3.

³⁴Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. В 7 т. / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали – Владикавказ, 1981 – 2014.

общественный порядок и обеспечивавших внутреннюю стабильность. *Ныхас*, исполняя хозяйственно-распорядительные, регулирующие и контролирующие функции, устанавливал строгий регламент использования общинной земли, сенокосных угодий, лесов, внутриобщинных отношений, в том числе, общественно значимых семейных вопросов. Нарушение установленных норм приводило к конфликтным ситуациям, для которых *ныхас* выработал способы урегулирования, основанные на миротворчестве.

- основным регулятором правоотношений в рамках традиционного осетинского социума был институт третейства. Наличие особого порядка процедуры разбора дела, беспристрастной позиции суда, а также четкого механизма исполнения его постановлений, соблюдение комплекса этикетных норм, обеспечивали конструктивное преодоление конфликтных ситуаций. Итогом проведенных судебных преобразований на Северном Кавказе стали сложные процессы взаимодействия традиционного суда с новым российским законодательством, трансформация традиционной системы посредничества, упразднение некоторых его институтов и элементов, значительное сокращение полномочий третейского суда.

- в эпоху пореформенной модернизации, в условиях развития рыночных отношений и обострения социальных проблем, появлялись новые виды конфликтов, связанных с коммерческими сделками, незаконным захватом общинных земель, столкновением с должностными лицами, обнищанием основной массы общинников, повышением фискальных платежей, увеличением размера калыма и умыканием девушек и др. Согласно разделенным полномочиям, традиционные посреднические институты пытались адаптировать свой арсенал методов урегулирования к новым условиям, а российское законодательство предлагало свои методы.

- основным видом наказания виновных оставались композиционные выплаты. Дифференцированная шкала выплат устанавливала их объем, с учетом тяжести преступления, сословной и половой принадлежности пострадавшего. В целом для традиционного осетинского общества была характерна справедливая система наказаний, целью которой было мирное урегулирование конфликта, предотвращение его дальнейшего развития и кровомщения. Система композиций претерпела достаточно серьезные изменения. Такие традиционные виды компенсаций и примиренческих практик как нанесение ответного увечья, заключение брака для приостановления кровной мести, воспитание ребенка кровника, в пореформенное время встречались редко. Осетины крайне негативно воспринимали применяемые российским судом наказания: прохождение сквозь строй, ссылки в Сибирь, расстрелы, аресты, штрафы, которые не соответствовали понятиям традиционного общества о гуманности и мужском достоинстве. Приговор суда не влиял на авторитет человека в традиционном обществе, недоверие к российскому суду объяснялось игнорированием социального и национального равенства граждан перед российским государственным законом.

- осетинские общества позитивно воспринимали и применяли такие новые миротворческие формы как вклад виновной стороны в строительство церкви или школы, в благоустройство территории села.

- разбирательство семейных конфликтов происходило в рамках семейно-родственных коллективов, имевших традиционный регламент разрешения спорных ситуаций. Рассмотрение имущественных и наследственных вопросов оставалось прерогативой главы семьи и фамильных советов, а в особо спорных ситуациях – сельского *ныхаса*. Несмотря на то, что в архивных документах изредка встречались случаи обращения во Владикавказский окружной суд женщин в статусе вдов, оспаривающих доли наследства, данное явление не получило широкого распространения.

- мощным конфликтогенным фактором в пореформенное время становилось умыкание девиц в связи с возросшим размером калыма, в условиях капитализации экономики и обнищания крестьянства. Умыкание воспринималось осетинским обществом

как вызов традиционным устоям, влекло кровную месть, имиджевые потери для девушек и их семей, сложные примиренческие процедуры.

- анализ архивных материалов показывает, что несмотря на распространенное мнение, похищение не освобождало от выплаты калыма, так как в законодательном порядке устанавливались правила поэтапной выплаты калыма, несоблюдение которых приводило к наказанию согласно законодательству Российской империи. Такая инновация, введенная новым законодательством, облегчала условия выплаты калыма и становилась причиной еще большего распространения похищения девиц, но далеко не всегда находила понимание потерпевшей стороны.

- выявлены существенные отличия в формах урегулирования конфликтов в разных осетинских обществах, имевших развитые локальные (ущельные) варианты традиционной социальной культуры; а также многочисленные особенности в миротворческих практиках Северной и Южной Осетии пореформенного времени, что объяснялось различиями нормативных документов (положений о сельских сходах) в Терской области и Тифлисской губерниях.

Соответствие диссертационного исследования паспорту специальностей ВАК. Диссертация выполнена в рамках специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. Представленные положения соответствуют следующим пунктам Паспорта научной специальности 07.00.07 – Классическая дескриптивная этнография (п.2). Этнологическое регионоведение (п.4); Межэтнические отношения (в том числе конфликты) (п.5).

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите в отделе этнологии Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований им. В.И. Абаева – филиале ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН». Основные положения диссертационной работы изложены в 27 научных статьях, из них 9 опубликованы в изданиях из Перечня ВАК. Общий объем публикаций составил 11 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, а списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность диссертации, определены предмет и объект исследования, его цели и задачи, хронологические рамки, степень научной разработанности, источниковая база, методологические подходы, теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Миротворческая деятельность осетинской сельской общины: традиционные институты во взаимодействии с российским законодательством» посвящена традиционным посредническим институтам, медиативным практикам и выявлению воздействия российской правовой культуры в разрешении конфликтных ситуаций.

Осетинская община в начале XIX в. представляла собой союз родственных и социальных групп различной численности. Экономической основой соседской организации являлись общинное землепользование и общинная взаимопомощь, а важнейшей функцией являлась регламентация сельскохозяйственных работ на обрабатываемых землях³⁵.

А. Х. Магомедов обращает внимание, что осетинская сельская община, прежде всего, являлась автономным объединением на базе самоорганизации с четко выработанными традициями, обеспечивающими соблюдение норм. Правовой обычай являлся священной традицией, поддерживаемой культовой практикой.

³⁵ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Т.1. С. 108, 109.

«Самоуправляющийся коллектив – это объединение известным образом связанных между собой людей, которые сами ведут свои дела, разрешают внутренние противоречия, улаживают межгрупповые конфликты»³⁶. Стабильность внутри общества являлась необходимым элементом, от которого зависела жизнеспособность целой общины, а любое преступление нарушало привычный ритм жизни общины и угрожало устоявшимся социальным отношениям. Наряду с нормами адата основным регулятором жизни в общине был и целый комплекс этикетных норм, которому каждый член общины должен был строго следовать. В каждом обществе складывались обычно – правовые нормы, которые регламентировали общественный порядок внутри общества, а также сохраняли внутреннюю устойчивость. В. Б. Пфаф указывает: «Собственно в чисто патриархальном быту обычай вполне заменяет собою право и закон, потому что он вникает так глубоко во все подробности жизни, что при соблюдении всех его правил преступления и правонарушения делаются совершенно невозможными»³⁷.

Обычно-правовые нормы устанавливали сословные связи, систему композиций, семейно-брачные отношений. Действие норм обычного права во всех аспектах жизнедеятельности осетинского общества служило гарантом регулирования внутриобщинных отношений. Как самодостаточный социальный организм, осетинская община имела собственную систему руководящих и контролирующих органов, что сделало ее автономным территориально-хозяйственным субъектом общества. Главенствующую роль в регулировании общественных отношений играли *ныхас* – народное собрание и *таархон* – посреднический суд. Функции *ныхаса* распространялись на административно-хозяйственную и управленческую деятельность³⁸. Регулятивная функция *ныхаса* заключалась в воздействии на поведение членов общества обычно-правовыми средствами для улаживания общественных отношений.

Наиболее частыми причинами возникновения общественных конфликтов у осетин, как и у других народов Северного Кавказа, в частности, у адыгов,³⁹ становились земельные споры, несправедливое распределение общественных обязанностей, противостояние местных властей и общественников, а также нарушения традиционных поведенческих норм.

По свидетельствам источников, межобщинные конфликтные ситуации, например, убийства, ранения и т.д. происходили в связи с необходимостью защиты чести и достоинства своей общины. Конфликты по земельным спорам и пограничные разногласия также нередко заканчивались межобщинными убийствами и ранениями. Для решения важных вопросов, затрагивающих интересы фамилии, например, таких как конфликты с другими общинами, вопросы кровомщения, примирения двух поссорившихся семей и фамилий, представители фамилии собирались на фамильный совет. В качестве своего представителя фамилия выставляла авторитетного старшего мужчину, который, как правило, управлял и фамильным собранием. Его приглашали на все торжества, устраиваемые семьями всей родственной группы. Он же выполнял жреческие обязанности в кругу своей фамилии⁴⁰. Главой семейной общины был старший по возрасту мужчина *хистар*, который являлся полноправным распорядителем всего семейного имущества и под чьим непосредственным руководством находились все аспекты жизни внутрисемейной общины⁴¹.

³⁶Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII - XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С. 156.

³⁷Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1871. Т.1. С. 187.

³⁸Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия ...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010. С. 223.

³⁹ Анчабадзе Ю. Д. Общественные конфликты в пореформенном адыгском ауле (1860 - 1880 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 3. С. 39-43.

⁴⁰Кобахидзе Е. И. Указ.соч. С. 139.

⁴¹ПМА. Информатор Абисалов Омар 1953 г.р., Стамбул, Турция.

Распространение российской власти на Кавказе сопровождалось укоренением в крае нового административного управления и судебной деятельности. Одной из административных единиц стало сельское (аульное) правление. В 1860 г. 23 марта наместником А. И. Барятинским была утверждена «Инструкция для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии». Согласно «Инструкции» учреждалась сельская администрация в лице старшины и помощников (по одному на каждые 50 дворов). Право быть избранным старшиной было «у людей почетных», чьи кандидатуры утверждались начальником округа⁴². В каждом селе предполагалось наличие «обособливой караульни», где содержались провинившиеся. Старшина мог подвергнуть наказанию арестом сроком до 5 дней⁴³.

Уже в «Инструкции» делались попытки разграничить методы разбирательства в уголовной сфере. Так, в §46 предлагалось уголовные дела, а также гражданские дела между русским населением и местным, разбирать по российскому закону, гражданские дела между коренными жителями - в народном, либо медиаторском суде⁴⁴.

Согласно §62 ведению окружных судов подлежали исковые спорные дела по движимому и недвижимому имуществу; споры между мужем и женой, родителями и детьми; религиозные дела мусульманской части населения; воровство; разновидность ссор и насилий без нанесения или с нанесением ран оружием, но без увечий; выдача свидетельств об отпуске на волю холопам, при условии доказательства своего происхождения из свободного сословия⁴⁵.

Для реформирования обществ, в которых существовал традиционный уклад социальных взаимоотношений общинников, в 1870 г. было утверждено «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей». Такая административная реформа была направлена на изменение системы социальных отношений, а также реформирование общественного управления сельских обществ Осетии и введение этой системы в установленное административное устройство Российской империи. Сельский старшина был главным должностным лицом в осетинском сельском социуме в период общественных модернизаций. На него возлагалось выполнение исполнительно-распорядительных функций, контролирование всех сторон жизнедеятельности вверенного ему общества. Он также владел всеми сведениями о семейном положении, имущественном состоянии, религиозной принадлежности и об отсутствии/наличии судимостей всех жителей общества. Кроме того, старшина являлся посредником между административной властью и населением вверенной ему территории.

Проведенное исследование подтверждает, что несмотря на распространение и влияние российского законодательства, обычай по-прежнему играл важнейшую роль в регулировании социальных разногласий. Однако обычное право подвергалось воздействию российского права, что привело к упразднению его некоторых институтов и элементов. Например, запрет обычая кровной мести, сужение круга конфликтов, которые могли быть рассмотрены третейским судом. В связи с новыми направлениями в судебной системе происходила модернизация адатного права.

Урегулирование конфликтов с участием третьей стороны – медиаторство, специфический вид традиционной правовой деятельности, которая называется у осетин *тархон*. Третейское разбирательство было особенно актуально в случаях конфликтов, возникающих за пределами родственных объединений. Прения родственников между собой разбирались фамильным старшиной; судебные полномочия в осетинской семье осуществлялись главой семейной общины (*хистар*).

⁴² Там же. С. 1197. АКАК. Т. XII. С. 1197.

⁴³ Там же. 1197.

⁴⁴ Там же. С. 1195.

⁴⁵ Там же. С. 1196.

Судебное дело инициировалось потерпевшей стороной. По таким преступлениям или правонарушениям, в которых истцом являлось не одно лицо, а целое общество, например, при поджогах построек или лесов, разрушении мостов, порче дорог и т.д., иск предъявлялся старшиной общества⁴⁶. Срок деятельности третейского суда в конкретном составе зависел от длительности расследования дела. Он прекращал свою работу с окончанием разбираемого инцидента.

Главной целью деятельности посреднического суда было регулирование конфликтов на уровне социума. Касаясь характера осетинского судопроизводства, В. Б. Пфаф описывал деятельность народных судей следующим образом: «Осетинские судьи вникают во все подробности дела. И, выяснив все факты, стараются определить величину нанесенного истцом или обиженным убытка и ищут способа для легчайшего восстановления нарушенных юридических отношений»⁴⁷.

Посредническая деятельность, в первую очередь гарантировала урегулирование конфликта методом замещения действительных разногласий их моделью и достижение консенсуса путем делегирования судейских полномочий посредникам, решение которых легитимировалось их возрастным и статусным авторитетом. Поэтому одна из функций посреднического суда, который являлся проводником власти обычного права в сфере частных взаимоотношений, заключалась в сохранении баланса в имущественно-правовых статусах членов общины. Будучи защитником гражданских прав общинников, посреднический суд принимал решения примирительного характера, целью которых было сохранение мирных внутриобщинных отношений⁴⁸.

В XIX в. судебные дела стали оформляться в письменном виде. В судебном деле содержалось краткое описание разбираемого дела, информация о третейских судьях, свидетельства свидетелей, постановление, подписи судей.

Институт третейства, согласно сложившейся традиции, был чрезвычайно важен. В основе его деятельности лежало примирение сторон. Наличие особого порядка процедуры разбора дела, беспристрастной позиции суда, а также четкого механизма исполнения его постановлений обеспечивали убедительное предпочтение посредничества для конструктивного преодоления конфликтной ситуации. «Их слово было незаменимо, их решение свято; здесь не имели места никакие апелляционные и другие жалобы; так как умнее и опытнее третейских судей не было, то всякий противящийся мнению этих патриархов был противником самого общества, его взглядов и понятий»⁴⁹.

Распространение российского политического, а также административного влияния на Осетию повлекло за собой трансформацию коренных институтов власти и суда. В первой четверти XIX в. российской администрацией было положено начало реформирования местной судебной системы. Для осетин и ингушей был создан судебный институт во Владикавказе. С 1860-1870 г. проводились реформы по трансформации судебной системы в Осетии. Вводились различные судебные уставы и начал действовать Владикавказский окружной суд с прокурорским надзором.

В случаях совершения личной расправы, виновные привлекались к ответственности, при этом не учитывались причины самосуда и родственные отношения между конфликтующими. Такие ситуации вызывали недовольство среди осетин, так как выявлялись разные представления о преступлении и наказании между традиционными взглядами и российскими нововведениями. Убийство, совершенное на почве кровной мести не считалось преступным действием, разбойный набег на соседние общества служил формой проявления удальства и отваги. Приговоры российских судебных институтов приходили в конфликт с ментальными установками народа. Такие традиционные формы наказания как мщение, бойкот и изгнание из общины, приговоры,

⁴⁶Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 213.

⁴⁷Там же. С. 218.

⁴⁸Кобахидзе Е. И. Указ. соч. С. 123.

⁴⁹Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 95.

вынесенные главой фамилии и д.р. использовалось в традиционной судебной практике довольно долго.

Итогом проведенных судебных преобразований на Северном Кавказе, которые, трансформировали местные судебную систему, стали сложные процессы взаимодействия местного и российского законодательства, разделение полномочий между ними, значительное сокращение посреднических функций традиционных институтов.

Во второй главе «Социальные конфликты и миротворческие практики» рассматриваются виды конфликтов, медиаторские стратегии, а также традиции и инновации в системе композиций.

Анализ архивных материалов рассматриваемого периода позволяет выделить несколько факторов, способствующих возникновению основных конфликтов, характерных для осетинского социума. Это, в первую очередь, преступления против личности – убийства на почве кровной мести, ранения, оскорбление чести и достоинства, прелюбодеяние, изнасилование, умыкание, оскорбление чести семьи и фамилии, нарушение обычая гостеприимства. Следует отметить имущественные преступления – хищения, грабежи, земельные споры, также в особую категорию можно выделить преступления против власти.

При судебном разбирательстве в одну категорию преступлений попадал несчастный случай и умышленное преступление. Дееспособность виновного также не бралась в расчет. Все виды преступных действий требовали наказания, соответствующего обычно-правовым нормам⁵⁰. Для уголовного права осетин характерна неразделенность таких понятий, как «случай», «неосторожность», «умышленное деяние», «покушение».

Ответное действие в качестве мести выражалось в различных преступлениях, наносящих ущерб обществу. Исследуя адаты, касающиеся кровной мести, можно выявить причины, вызывающие ее, – убийство, похищение девушки, прелюбодеяние, оскорбление как мужчин, так и женщин. Оскорбления, способные вызвать кровомщение, т.е. особо тяжкие, касались преимущественно традиционных представлений о мужской чести. Например, нельзя было без последствий сорвать с головы мужчины шапку и бросить ее на землю. «На такой поступок осетин обычно отвечал убийством, так как головной убор считался у горцев символом мужского достоинства»⁵¹. Нанесение удара палкой или плетью осетины считали оскорблением, за который обычай осетин предусматривал в качестве меры наказания убийство.

Кровная месть у осетин, как и у других горцев Северного Кавказа, часто вынуждала кровников искать убежище в других районах Осетии и даже за ее пределами. Если преступник не надеялся на свои силы, на то, что сможет выдержать все нападки и преследования своих кровников, он вместе со своей семьей переезжал в другое село, в другое ущелье, из Южной Осетии в Северную или наоборот. Б. А. Калоев связывал переселение большого числа осетин-иронцев в Дигорское ущелье и, наоборот, перемещение многих дигорцев в иронские ущелья главным образом кровной мезтью⁵².

Обычай кровной мести регулировался целым рядом норм и предписаний, касающихся поведенческих форм потерпевшей и виновной сторон.

Как известно, существовал определенный круг лиц, имеющих право мстить. По осетинскому праву право наказания принадлежало только обиженному и его родственникам. Родные братья и близкие родственники иногда бросали жребий, и тот, на кого он падал, должен был смыть кровь брата, т.е. убить убийцу или кого-нибудь из его близких родственников⁵³. Фольклорные материалы содержат сведения о том, что в более ранний период родственники по материнской линии принимали участие в мести.

⁵⁰Кобахидзе Е. И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII – XIX вв.). Владикавказ, 2008. С. 145.

⁵¹Кокиев Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа / НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 195.

⁵²Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1967. С. 187.

⁵³НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 88. Л. 13.

Обозначим круг лиц, подвергавшихся кровной мести. Ими являлась вся мужская часть фамилии, в том числе и мальчики с 11 лет. Мечь распространялась на всех родственников убийцы. Несмотря на отсутствие ограничения в выборе жертвы, мститель пытался найти убийцу. В одной из работ по изучению кровной мести осетин автор пишет: «Мстить по обычаю можно родственникам: восходящим, нисходящим, единокровным и даже однофамильцам убийцы»⁵⁴. Принадлежность к фамилии налагала на отдельное лицо известные обязательства и наделяла его в то же время известными правами. Правонарушения, направленные против того или другого из однофамильцев, считались обидой для всей фамилии и являлись поводом к осуществлению кровной мести любым из его членов. Мечь распространялась на всю мужскую часть обеих сторон исходного конфликта. В период второй половины XIX - начала XX в. по тем примерам мести, которые у нас есть, она распространялась на мужскую часть фамилии убийцы. Не встречаются примеры распространения на детей, женщин и стариков.

Мужская часть потерпевшей стороны обязана была мстить за однофамильца, мужская часть виновной стороны несла ответственность за убийцу. В архивных материалах содержатся сведения, что кровники обычно старались убивать из мести лучшего из фамилии, но это практиковалось в тех случаях, если нельзя было найти самого убийцу. Женская часть семьи и фамилии не подвергалась кровной мести. Однако женщины виновной стороны тоже придерживались определенных поведенческих регламентаций – не ходили на те мельницы, которые посещала потерпевшая сторона, а в случае встречи – отходили в сторону, уступали дорогу. Ценные добавления к сказанному содержатся в работе М. А. Мисикова: «Из-за кровной мести женщин никто не беспокоил; но женщины двух враждовавших фамилий между собой не общались, не разговаривали и даже не смотрели друг на друга. Я ни разу не помню и не слышал от стариков, чтобы жертвой мести сделался мальчик, женщина или беспомощный старик. Что касается остальных, то здесь уже не считаются, будут ли они безоружны или при оружии, а при всяком удобном для себя случае будут стараться убить»⁵⁵.

Комплексом поведенческих норм также предусматривались встречи убийцы с мстителем. Виновный мог гарантированно избежать смерти в случае, если воспользовался правом убежища в святилищах (*дзуарах*). Согласно адату убить кровника считалось позорным, если он, ища спасение, скрывался в доме своего противника или в святилище⁵⁶.

Институт молочного родства мог послужить гарантом спасения жизни виновному. Прикосновение к груди матери убитого означало усыновление чужого человека в качестве ребенка, брата или родственника. Если был убит единственный сын, то молодой убийца бежал с кинжалом к матери убитого и принуждал дать ему грудь⁵⁷. Существовали различные способы прибегнуть к защите сильных покровителей, то есть к защите представителя высшего сословия. Один из них описан в газетной статье: «Если осетин, находящийся в какой-нибудь опасности, прибегал в дом человека из высшего сословия и, достав принадлежащую ему шапку, надевал ее, то это знак, что он прикрыл себя его могуществом; он принимался под защиту всей его фамилии, и после этого убить и обидеть его значит убить или обидеть одного из членов фамилии, под чье заступничество он попал. Такое покровительство приобреталось еще 2 способами: если преступник, входил в дом сильного человека и брал в руки надочажную цепь, висящую над домашним очагом, обвивал ее вокруг шеи, то это был знак, что он вверяет судьбу свою воле хозяина дома, а потому надеется получить его верное покровительство и заступничество от гонений. Еще один вид получения покровительства - встать на колени пред сильным человеком и

⁵⁴Каргиев Б. М. Обычай и обряды осетин дореволюционного периода // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1. Д. 109. Л. 312.

⁵⁵Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011. С. 81.

⁵⁶Каргиев Б. М. Указ. соч. Л. 24.

⁵⁷Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной зоны крепости Моздок во внутренний Кавказ. 1781 год. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3А. Л. 8-9.

накрыть полой платья свою голову и произнести: «отдаю свою голову под твое покровительство»⁵⁸.

Есть сведения о том, что мщение считалось состоявшимся, когда ухо убийцы зарывалось в могилу убитого⁵⁹. Осетин, – по словам Ю. Клапрота, – спешит на могилу убитого родственника, чтобы громким голосом оповестить его об исполнении им своего долга. «Я убил твоего убийцу», – говорил он в этом случае в своем обращении к покойнику⁶⁰. В статье «Из записок об Осетии» Н. Г. Берzenov сообщает, что «самый близкий родственник убитого наследует долг – рано или поздно умертвить убийцу своего родственника. Впрочем, удовлетворение ограничивается нередко тем, когда удается отрезать виновному ухо, которое затем с большою торжественностью зарывается в могилу убитого»⁶¹.

Убийство виновного могло быть заменено ритуалом посвящения убийцы убитому, во время которого на могиле убитого символически проливали кровь убийцы, надрезая ему ухо, или убивали. Акт этот назывался *фæлдисын* – посвящение мертвому – и считался позорным не только для самого посвященного, но и для всей его фамилии⁶². По верованиям осетин, посвященный человек служил на том свете конем убитому. «Обрезывание ушей и принесение их на могилу осталось только в делах кровомщения, и тогда отомщенный получает для прислуги себе на том свете раба в лице того, кто за него убит»⁶³.

Инициатива примирения двух кровных патронимий всегда исходила от посторонних лиц. Первоочередной задачей инициаторов было добиться согласия обеих сторон на примирение. Часто удавалось договориться о примирении между враждующими уважаемым старшим *æртæстлæгтæ*,⁶⁴ которые при конфликтных ситуациях выполняли посреднические функции. Примирение это в старину означало, большей частью, только заключение перемирия. Практиковалась отсрочка кровной мести. Для этого виновная сторона, пользуясь посредничеством старейшин селения, старалась заключить соглашение на один год с потерпевшими, в силу которого убийца уплачивал определенное количество скота (овец или быков) оскорбленной стороне, которая в свою очередь давала клятву «не мстить» в течении действия соглашения. По истечении срока договор мог быть снова возобновлен с согласия обеих сторон⁶⁵.

Согласно рассмотрению дел по адату, размер компенсации за убийство зависел не только от сословия, возраста убитого, но и от пола. За убийство женщины плата за кровь снижалась наполовину. В судебных делах конца XIX – начала XX в. происходят изменения и в данном аспекте. Так, согласно приговорам, выносившимся горским судом, в расчет брался фактор умышленного преступления, неумышленное, а также психическое состояние убийцы.

Наряду с реформированием законов, направленных на преодоление местных обычаев и традиций, допускающих возможность кровной мести, российская власть также принимала меры по организации примирительного процесса, направленного на исключение этого обычая.

Если раньше до заключения перемирия и получения материальной компенсации предусматривалось ответное убийство, то в новое время постепенно вводилось тюремное заключение убийцы, примирение двух фамилий, уплата денежной пени. Контроль за этим возлагался на старейших членов общества. Сужался круг лиц, имеющий право мстить, а

⁵⁸Этнографические заметки из кавказских газет, выявленные Цибиловым Г. И. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 40.

⁵⁹Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 361.

⁶⁰Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

⁶¹Берzenov Н. Г. Из записок об Осетии // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 128.

⁶²Калоев Б. А. Указ. соч. М., 1967. С. 293.

⁶³Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 349.

⁶⁴Собиев И. Дигорское ущелье // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58а. Л. 29.

⁶⁵НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

также и тех, в отношении которых месть применялась. Изучение уголовных дел показывает, что это родные братья убитого и убийцы. Единственной причиной кровной мести стало признаваться убийство, причем в большинстве случаев умышленное.

В период трансформации обычного права во многих судебных делах проводится следствие для выявления личности преступника. Ранее убийство кровника носило открытый характер, а в период введения российской системы наказаний, убийства стали совершаться тайно. При расследовании преступления старшина, составляя протокол, прежде всего, вносил в список подозреваемых членов враждующих фамилий⁶⁶.

Известно, что традиционное общество пренебрегало судебным наказанием за совершение убийства и не избавляло виновного от преследования со стороны потерпевших для совершения кровной мести. Понимая тяжесть и последствия кровомщения, осетинские общества приспособили обрядовую сторону примирения кровных фамилий к новой историко-культурной ситуации.

В конце XVIII – начале XIX в. у осетин существовала довольно обстоятельная система композиций, компенсирующая различные виды правонарушений. Проанализировав источники обычного права, можно выявить некую миротворческую систему осетин, которая наряду с материальной компенсацией для возмещения нанесенного ущерба, включала и различные виды наказаний – наказание увечьем, изгнание из общества, заключение брака, похищение и воспитание ребенка потерпевшего до его совершеннолетия и т.д. особо тяжкие преступления предусматривали и смертную казнь.

Осетинам не были известны такие виды наказаний, как лишение свободы и телесные наказания вне семьи⁶⁷. В сборнике адатов есть свидетельства существования смертной казни в отношении гурзиаков – несвободного сословия. Одним из видов наказания за ранения и телесные повреждения было нанесения равного по тяжести увечья. Для разрешения конфликта могло быть предоставлено право нанесения ответного ранения, равного по тяжести совершенному. Использование такой меры могло применяться в случаях, когда потерпевший не мог оплатить компенсацию, а также в случаях межсословного конфликта.

Выявлены свидетельства наличия у осетин такой композиции, как воспитание ребенка потерпевшего. Суть сводилась к тому, что виновная сторона воспитывала ребенка, а затем по совершеннолетию возвращала с подарками⁶⁸. Адыгская примиренческая практика также включала способ примирения кровников путем похищения ребенка потерпевшего⁶⁹.

Основным видом композиций у осетин являлись имущественные платежи, выплачиваемые скотиной или денежным эквивалентом. Размеры компенсаций зависели от преступления: наибольшая сумма назначалась за убийство, наименьшая – за оскорбления. Платеж производился скотом, рабами, землей, оружием, медной посудой, а позднее деньгами⁷⁰. На размер компенсации влияло несколько факторов: характер преступления, принадлежность к сословию и пол жертвы. Согласно адату «если убийца и убитая были муж и жена, то плата за кровь была на половину меньше»⁷¹ и выплачивалась родственникам жены. Возраст также играл определенную роль в определении размера компенсации.

В адатах указано, что в случае невозможности выплаты материальной компенсации плата растягивалась на несколько лет и могла переходить от отца к сыну⁷².

⁶⁶ ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 22. Д. 140. Л. 6.

⁶⁷ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 264.

⁶⁸ Каргинов С. Г. Кровная месть у осетин // ППКОО. Владикавказ, 2014. Кн. 7. С. 590-591.

⁶⁹ Бабич И. Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М., 1999. С. 32.

⁷⁰ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 219.

⁷¹ Там же. С. 219.

⁷² Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 23.

Таким образом, дифференцированная шкала размеров компенсаций за различные виды правонарушений зависела от сословной принадлежности потерпевшего. За преступления против представителя высшего сословия штраф был значительно выше, чем за аналогичное преступление по отношению к простым членам общины. Во время разбора сословных прав туземцев, лица, претендовавшие на принадлежность к привилегированному сословию, считали необходимым в доказательство своей принадлежности к высшему сословию приводить факты получения какой-либо большой платы за своих убитых предков. В. К. Гарданов, описывая систему композиций адыгов, также утверждал, что она зависела от сословной принадлежности потерпевшего и носила феодальный характер⁷³.

В XIX в. с распространением российской власти на Кавказе, основной единицей исчисления имущественных платежей стал рубль. При этом штрафы могли взиматься и в натуральном виде.

Заключительным этапом любого вида конфликта было примирительное угощение - гарантия примирения двух сторон. Потерпевшая сторона медиаторами уполномочивалась приготовить угощение, назначался примирительный день, на который собирались мужчины враждующих фамилий и закрепляли примирение⁷⁴. На обязательное примирительное угощение в кабардинской среде указывает А. Х. Абазов. Данный этап примирения предусматривал не только угощение, но и подарки, например, лошадь⁷⁵.

К середине XIX в. постепенно трансформировалась традиционная система социальных установок. Модификации подверглись также устоявшиеся правовые нормы. В качестве формы урегулирования малозначительных правонарушений, российская администрация довольно успешно использовала компенсационные выплаты. Проанализировав судебные дела, относящиеся ко второй половине XIX в., можно сделать вывод, что большинство случаев регулировались путем имущественной пени на виновную сторону. Обязательным условием стала выплата определенной доли штрафа в общественную сумму.

В третьей главе «Семейно-бытовые конфликты и способы их разрешения» исследуются особенности семейной организации и конфликты, связанным с разделом большой семьи и наследованием имущества.

Преступления, которые совершались в родственной среде, находились в компетенции семейных судов. В рамках семейной общины глава семьи (*хæдзары хицау*) обладал неограниченной правовой властью. М. М. Ковалевский указывал: «Глава дома - это живой закон осетинской семьи»⁷⁶. В ситуациях, когда правонарушение выходило за рамки обсуждения семейного совета, а приговор был вынесен общественными судьями, окончательное решение все же было оставлено за *хицау*.

Обычное право осетин выделяет преступления, относившиеся к разбору семейных судов и не предусматривавших композицию или кровомщение: 1) все виды убийства родственников, живущих совместно в одном дворе, и прежде всего отцеубийство; 2) телесные повреждения; 3) преступления, связанные половой безнравственностью; 4) преступления против собственности - все виды воровства, совершенного у родственника⁷⁷.

Семейные разделы происходили согласно нормам обычного права. Дележу подлежало все имущество: земельный надел, дом, надворные постройки, поголовье скота,

⁷³ Гарданов В. К. Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) в XVIII- первой половине XIX вв. М. 1964.

⁷⁴ ПМА. Информатор Золойты Алисан 1956 г.р., Иозгат, Турция.

⁷⁵ Абазов А. Х. О месте и роли третейских судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII-XIX вв. // Северо - Кавказский юридический вестник, 2014. № 1. С. 50.

⁷⁶ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 100-101.

⁷⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 168.

домашняя утварь, фамильное оружие, зерновые запасы. Исключение составляли домашняя святыня – надочажная цепь и котел. Они передавались старшему сыну.

В осетинском праве исследователи различали два вида имущества, имевшие свои наименования – первое, доставшееся по наследству *фыдыбын*, второе, приобретенное *хазна*⁷⁸. В случаях, если члены семьи не находили удовлетворительного для всех итога дележа, то семья обращалась к посредникам, которые решали дело согласно принятому обычаю. Решению общинного суда должны были подчиниться все члены семьи⁷⁹. Информанты из Южной Осетии указывают, что дележ недвижимого имущества производился по числу родных братьев или ими самими, или их наследниками, в том числе и двоюродными братьями⁸⁰.

Семейно-брачные отношения, как и заключение брака в традиционном осетинском обществе, регламентировались целым комплексом запретов и регламентаций. Выявлено, что во всех обществах Осетии имелись свои специфические особенности, однако существовали некоторые общие брачные ограничения. Осетины строго придерживались сословной эндогамии. Она являлась одним из важных ограничений заключения брака. Среди высшего сословия Осетии было принято заключать браки между собой, но приветствовались также браки с кабардинской знатью. К примеру, в описаниях брачных отношений в Дигорском обществе, исследователи отмечают, что жених и невеста должны были быть равными и по происхождению, и по положению; «поэтому у дигорцев не было примера неравных браков»⁸¹. Строгому табуированию подлежали браки между родственниками как по отцовской, так и по материнской линий. В осетинской традиции браки между близкими родственниками исключались, а бытовавшие случаи, когда сын женился на однофамилице своей матери или бабушки, объяснялись тем, что избранница происходила из другой, более отдаленной ветви фамилии⁸². На территории Южной Осетии не встречались случаи заключения брака даже в такой форме, что некоторые исследователи объясняют отсутствием влияния ислама⁸³, в отличие от северных осетин. При заключении брака соблюдалась очередность по возрасту, как для женщин, так и для мужчин.

Одним из важных условий вступления в брак являлось оформление брачного договора, выражавшегося в уплате калыма (*ирад*). Размер калыма определяли до заключения помолвки путем устного договора между семьями. Размер калыма устанавливался, исходя из родовитости фамилии и оставался неизменным. Чаще всего он выплачивался мелким и крупным рогатым скотом, который являлся главным эквивалентом при обмене, а также дорогими вещами, среди которых особенно ценились медный котел для варки пива и оружие. Исследуя осетинские свадебные обычаи, А. Х. Магомедов отмечает, что «размер калыма, принимая за единицу стоимость коровы, определялся от 25 до 100 коров, в зависимости от знатности и веса той фамилии, к которой принадлежала девушка»⁸⁴. В начале XIX в. размер калыма составлял 30 – 100 быков⁸⁵. В сборнике адатов 1844 г. в *Дигорском* обществе старшине за дочь полагался калым в размере 60 голов рогатого скота, тогда как у фарсаглагов он составлял 10 голов. По получении калыма старшина раздавал по 3 головы ближайшим родственникам – братьям и дядям. В *Тагаурском* обществе за девицу отдавали 100 быков или 1000 рублей серебром. *Куртатинское* общество установило калым размером в 100 коров⁸⁶. В

⁷⁸ Там же. Указ. соч. Т. 1. С. 183.

⁷⁹ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 188.

⁸⁰ ПМА. Цховребов И. А. 1952 г.р., Цхинвал, РЮО; Тедеев Э. В. 1936 г.р., Цхинвал, РЮО.

⁸¹ В. Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 340.

⁸² Марзоев И.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII- нач. XX вв. Владикавказ, 2011. С. 118.

⁸³ ПМА. Информант Маргиева В. А. 1934 г.р., Цхинвал, РЮО.

⁸⁴ Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX в.). Орджоникидзе, 1974. С. 234.

⁸⁵ Терские ведомости. 1887. №4.

⁸⁶ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 40-44; см. также: Уруймагов Х. А. Еще о калыме у осетин // Казбек. 1900. № 712.

архивный фондах сохранилось следующее описание размера калыма, который дает некий Б. Х.: «Я при сговоре подарил 20 рублей и подарков на 15 рублей. Калым мой состоял из 15 овец, 2 быков, 2 коров. На свадьбу я предоставил жертвенное животное, мешки муки и подарки. Это был калым бедняка»⁸⁷.

При расторжении брака определение вины той или другой стороны имело целью определение имущественной ответственности или суммы калыма, данного за жену. Для расторжения брака без материального ущерба имелись некоторые причины. В случаях наличия одной из причин, брак расторгался, а калым или доля калыма возвращалась. Причины, по которым допускается расторжение брака по инициативе мужа следующие: бесплодие, неуважение к свекру и свекрови, дурной нрав, болезненное состояние и т.д.

Редкое явление развода можно объяснить невыгодными экономическими последствиями – потеря рабочих рук, а также вероятность невозвращения калыма. При разводе без основательных причин калым, а впоследствии приданое, не возвращались, а также следствием безосновательного расторжения брака могла быть кровная вражда со стороны отца и братьев жены. Причина развода должна была быть сформулирована перед родственниками жены, а также родственниками мужа.

Умыкание (*скъæфт*) у осетин не являлось традиционной формой заключения брака, в отличие от соседних народов, поэтому вызывало негативные последствия, вплоть до кровомщения⁸⁸.

Основной причиной умыкания девиц был возросший размер калыма в условиях капитализации экономики и обнищания крестьянства. Проанализировав архивные материалы, мы пришли к выводу, что, несмотря на распространенное мнение об отсутствии выкупа за невесту при похищении, калым все же выплачивался. Таким образом, умыкание воспринималось осетинским обществом как негативное явление, вызов традиционным устоям, следствием которого становились кровная месть, судебные иски, имиджевые потери для девиц и их семей, сложные примиренческие процедуры. Вместе с тем, умыкание невест было способом адаптации к новым экономическим и правовым условиям: в законодательном порядке устанавливались правила приема и размера калыма, несоблюдение которых приводило к наказанию согласно законодательству Российской империи. Это и способствовало его большему распространению.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. В традиционном осетинском обществе действовала четко сформированная и организованная система самоуправления. Преимущественное право в урегулировании общественных отношений в большинстве случаев принадлежала *ныхасу*. Институт третейства (*тæрхон*) был основным и весьма эффективным регулятором правоотношений в рамках традиционного осетинского социума.

Основным видом наказания являлись композиционные выплаты. Дифференцированная шкала выплат была четко налажена и зависела от таких факторов как тяжесть преступления, сословная принадлежность пострадавшего, пол пострадавшего. В целом для традиционного осетинского общества была характерна относительно единая система наказаний, целью которой было мирное регулирование отношений в обществе.

Миротворческая деятельность общества была нацелена на избегание кровной мести, обязательное справедливое наказание виновного и сохранение общественного порядка. Главной целью, которую преследовали посредники, было примирение двух фамилий и недопущение дальнейшего развития конфликта.

Внедрение российских судебных органов привело к существенным ограничениям обычая кровной мести. В течение рассматриваемого периода кровная месть постепенно вытесняется композициями, однако полного замещения не произошло, и в большинстве случаев, перед согласием на примирение все же совершалось ответное убийство.

⁸⁷НА СОИГСИ. Отд. Литература. Ф. Фольклор. Д. 122. П. 92. Л. 9.

⁸⁸ПМА. Информатор Маргиева В. А. 1934 г.р., Цхинвал, РЮО.

С введением российского законодательства система композиций претерпела достаточно серьезные изменения. Некоторые виды компенсаций, такие как, нанесение ответного увечья, заключение брака для приостановления кровной мести, воспитание ребенка кровника, были исключены из применения. Вводилась новая для осетинского общества система, которая не всегда удовлетворяла потерпевшую сторону. Российская администрация использовала некоторые обычно-правовые аспекты при урегулировании конфликтов. Каждое преступление требовало не только удовлетворения с помощью компенсаций, но и обязательным было примирение сторон.

Семейно-родственный коллектив представлял собой целостную, обособленную систему социального порядка со своим управлением, материальным распределением и семейной обрядностью. Управленческие функции были в руках главы и совета фамилии, состоящего из старших по возрасту мужчин, которые регулировали жизнь на основе обычно-правовой системы. Глава семьи обладал и юридическими полномочиями. В его функции входило разрешение семейных конфликтов, а также исполнение судебного постановления. Для решения таких вопросов, как распоряжение землей, продажа и покупки земли, деление наследства, система композиций в патронимии собирался фамильный совет.

Существенному изменению подверглись миротворческие институты и формы урегулирования конфликтов под влиянием политики Российской империи. Однако вопросы семейного раздела имущества, бракоразводные процессы, большей частью решались по нормам обычного права.

Новые виды конфликтов порождали новые примиренческие стратегии. Осетинские общества во многих ситуациях вместо обращения в суд, предпочитали такие новые миротворческие формы, как вклад виновной стороны в строительство церкви или школы, в благоустройство территории села, другие общественно значимые благодеяния. Такие формы миротворчества позитивно воспринимались и применялись и в более поздний период. Они могут быть актуализированы и в современных медиаторских практиках.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора

Статьи в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. **Даева Т.Т.** Конфликты, связанные с заключением брака, и способы их разрешения в традиционном осетинском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. Вып. №10-1 (36). С. 61-65 (0,6 п. л.)
2. **Даева Т.Т.** Конфликты, связанные с ранениями и способы их разрешения в традиционном осетинском обществе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10289> (0,5 п.л.)
3. **Хадикова А.Х. Даева Т.Т.** Коммуникативный аспект традиционной политической культуры осетин [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10952> (доля авторского вклада 50%) (0,5 п. л.)
4. **Даева Т.Т. Хадикова А.Х.** Роль женщины в разрешении конфликтов, связанных с убийствами, в традиционном осетинском обществе // Устойчивое развитие горных территорий. 2013. № 3. С. 109-112. (доля авторского вклада 50%) (0,5 п. л.)
5. **Даева Т.Т.** Органы, разрешающие конфликты в пореформенном осетинском селе согласно «Положению о сельских (аульных) обществах, их общественном

- управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении терской и кубанской областей» [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14856> (0,5 п. л.)
6. Дауева Т.Т. Институт старшинства в осетинских обществах в период пореформенных модернизаций (2 пол. XIX - нач. XX в.) // European social science journal. 2014. №8-2 (47). С. 399-403. (0,3 п.л.)
 7. Дауева Т.Т. Миротворческие ресурсы осетинского общества (на материалах северных и анатолийских осетин) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22316> (0,5 п. л.)
 8. Дауева Т.Т. Правоприменительная практика сельских сходов Осетии по калымным вопросам (XIX - начало XX в.)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1(56) С. 62-64 (0,34 п. л.)
 9. Дауева Т.Т. Причины и формы умыканий невест в Осетии во второй половине XIX - начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-3 (58). С. 86-88 (0,34 п. л.)

В иных изданиях, индексируемых в РИНЦ:

10. Дауева Т.Т. Периодическая печать как источник по изучению обычного права осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2011. Вып. 6. С. 62-66. (0,4 п.л.)
11. Дауева Т.Т. Умыкание девиц как фактор конфликтогенности в осетинском традиционном обществе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 7. С. 62-66. (0,4 п.л.)
12. Дауева Т.Т. Способы разрешения бытовых конфликтов в традиционном осетинском обществе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 8. С. 158-163. (0,6 п.л.)
13. Дауева Т.Т. Гендерный аспект бытовых конфликтов в традиционном осетинском обществе (тезисы) // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы 6 международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Нальчик, 2013. Т. С. 36-38. (0,2 п.л.)
14. Дауева Т.Т. Наказание в традиционной правовой культуре осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Вып. 9. С. 189-196. (0,6 п.л.)
15. Дауева Т.Т. Формы разрешения конфликтов, вызванных тяжкими преступлениями (на материалах Осетии второй половины XIX века) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Вып. 10. С. 196-203.(0,6 п.л.)
16. Дауева Т.Т. Виды имущественных платежей при убийствах в традиционной правовой культуре осетин // Современные тенденции в образовании и науке. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. В 26 частях. Тамбов, 2013. Ч. 1. С. 45-46. (0,11 п.л.)
17. Дауева Т.Т. Способы разрешения некоторых видов конфликтов в традиционном осетинском обществе // Современные тенденции в образовании и науке. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. В 26 частях. Тамбов, 2013. Ч. 1. С. 46-47. (0,11 п.л.)
18. Дауева Т.Т. Конфликтогенные факторы и миротворческие ресурсы в традиционном осетинском обществе // Современные проблемы гуманитарной науки. Материалы итоговой научной сессии СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания. Владикавказ, 2014. С. 43-45. (0,13 п.л.)

19. **Дауева Т.Т.** Регламентация семейно-брачных отношений в традиционном осетинском обществе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 11. С. 98-104. (0,5 п.л.)
20. **Дауева Т.Т.** Нормы поведения враждующих сторон в допримирительный период кровной мести // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 12. С. 184-190. (0,5 п.л.)
21. **Дауева Т.Т.** Разрешение конфликтов в порядке третейского судопроизводства Осетии XVIII - начала XIX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2015. Вып. 13. С. 119-128. (0,8 п.л.)
22. **Дауева Т.Т.** Миротворческие практики в осетинском обществе // Современные тенденции развития науки и технологий. Сборник научных трудов по материалам 6 международной научно-практической конференции. В 6 частях. 2015. Ч. 3. № 4. С. 69-71 (0,2 п.л.)
23. **Дауева Т.Т.** Некоторые аспекты традиционной системы композиций в Осетии в XVIII - начале XIX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2015. Вып. 14. С. 157-161 (0,4 п. л.)
24. **Дауева Т.Т.** Из истории судебных преобразований в Осетии в начале XIX века // Всероссийские Миллеровские чтения. 2016. Владикавказ, № 5. С. 384-390. (0,3 п.л.)
25. **Дауева Т.Т.** Регулирование общественных отношений осетин в XIX - начале XX в. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. Вып. 15. С. 153-157 (0,3 п. л.)
26. **Дауева Т.Т.** Медиаторские суды осетин в первой половине XIX века // Вестник научных конференций. 2016. № 4-2 (8). С. 58-59. (0,13 п. л.)
27. **Дауева Т.Т.** Особенности правовых отношений осетинского общества в начале XIX века // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. Вып. 16. № 2. С. 56-62 (0,6 п. л.)